

Калинина Г. Н., канд. философ. наук, доц.
Белгородский государственный институт искусств и культуры

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ НАУКИ: ОТ АНТИСЦИЕНТИЗМА К ГОРИЗОНТАМ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

galakalinina@inbox.ru

В данной статье в русле критики сциентистской идеологии реализован анализ философского иррационализма и антисциентизма как культурно-антропологического и эпистемологического основания генезиса паранауки на выходе к горизонтам неклассической науки; выявлены социальные границы и противоречия между сциентистско-технократической и антисциентистской мировоззренческими ориентациями.

Ключевые слова: философский иррационализм, антисциентизм, генезис, паранаука, социальные границы, антиномичность, сциентистско-технократическая, антисциентистская мировоззренческая ориентации.

В условиях, когда характер и облик современного мира в решающей мере определяется и напрямую связан с возможностями научно-технического прогресса, возрастает роль философской рефлексии его неоднозначных результатов для исторических судеб человечества. В данной ситуации научная проблематика, смещаясь в центр острейших дискуссий современности, нередко освещается с прямо противоположных позиций: от апологетики науки до ее радикальной критики (последнее характерно для движений и философских дискурсов антисциентистского уклона). Причем, скептический вызов науке все больше идет из недр самой науки, выливаясь в антиномию «сциентизм-антисциентизм», в которой, как «в зеркале», отражается неоднозначное отношение к науке в обществе. Границы и «сфера влияния» сциентизма определяются областью установок, методологической программой марксистской и позитивистской рациональной философии, с позиций и в русле которой и сегодня осуществляется анализ гносеологических проблем научно-познавательной деятельности.

Именно рационалистическая философия позитивизма последовательно развивала наиболее радикальную линию сциентизма, базируясь на принципах детерминизма – одного из краеугольных камней традиционного рационализма. Основоположниками позитивистской историографии были заложены основы ориентации, связанные с идеей преемственности (в ее сугубо позитивистском варианте, надолго утвердившись в истории науки). В русле идеи непрерывности эволюции науки, исходная точка «линии преемственности» произвольно отсылалась в разные исторические эпохи: «научное знание является расширением и систематизацией здравого смысла» [1]. (О.Конт); «успех науки одинаково идет от частного к общему и от общего к

частному» [2]. (Спенсер); «Самый удобный исходный пункт представляет для нас ум взрослого дикаря» [3]. Ближайшим результатом рассмотрения познания как простого обобщения чувственно данной эмпирии стало устранение философии из процесса рождения науки, которая, по сути, оказалась «разросшимся обыденным знанием», приобретенным посредством ничем не вооруженных органов чувств в союзе с неразвитым (некультивируемым) умом» [4]. К указанным позициям примыкает Дж. В.Мамери, М.Вартовский, которые, «выводя» генезис науки из античности, утверждали: «эволюция науки непрерывна при невмешательстве постороннего агента, а закон эволюции проявляет себя с непреодолимой силой в течение средних веков и Возрождения, без всякого отклонения от своего естественного и необходимого круга» [5]. Следует согласиться с И.Н.Лосевой, что Спенсер и Мамери задали направление для последующих историков науки, и сегодня мы сталкиваемся с их взглядами, хотя слегка и откорректированными, трудах которых присутствует позитивистский дух: обосновывается идея о возникновении науки до» и «независимо» от философии из материала опыта, а также идея о формировании философской проблематики на основе уже сложившейся эмпирической науки [6].

Более мягкую позицию занимают Г.Лефф [7]. и Р.Дейлз, говоря, что современная наука – дитя средневековой науки. [8]. В данном случае они идут от Дюгема, относящего науку к позднему Средневековью, к периоду деятельности парижских номиналистов (Ж. Буридан, Н. Орем) и концептуально примыкают к нему. Эту линию, по сути, продолжает А.Кромби, давая оценку XIII-XIV вв. как оригинального научного движения», кульминации научной революции XVII-го столетия (второй фазы интеллектуального развития Европы), [9] при том, однако, что призна-

ется роль эпохи, давшей мировой истории Р.Гроссетеста, Р.Бекона, Альберта Великого и др. В решении проблемы генезиса науки не свободна от односторонности концептуальная позиция К.Поппера, согласно которому наука является дофилософской формой сознания, поставляющей материал (опыт, эмпирическая практика) для философских проблем, которых в их «чистом» виде не существует [10]. В известной мере этот тезис – почва для критики со стороны представителей отечественной и западной историографии науки

То есть мы видим, что данная традиция берет начало в классическом позитивизме в лице О. Конта, Д. Ст. Милля, Г. Спенсера, позднее – Дюгема, возникнув как результат рефлексии самого развивающегося научного знания, принимающего различные формы «научной философии». Такое явное умаление роли философии не могло не привести к известной абсолютизации науки. Ситуация широко иллюстрируется позитивистского типа концепциями и методологиями анализа генезиса науки. Попытки же ряда исследователей показать, что наука не участвует в генезисе философии, поскольку ее собственное рождение датируется Новым временем, потопляются в потоке работ, традиционно освещающих проблему генезиса науки и научного познания. При таком подходе социальная природа и механизм развития науки остаются «за скобками» внимания позитивизма, а сама позитивистская концепция науки и ее генезиса, имея выраженный сциентистский характер, неизбежно становится объектом радикальной критики. Однако уже в позитивистско-сциентистской гносеологической парадигме, прослеживается традиция не сводимости познания к науке как к естествознанию. Оно включает в себя и обыденное, опытное, жизненное знание, а также знание историческое, гуманитарное, далекое от нововременной логики и рационально-логических норм («образцов научности»). Проблематика достоверности переводится непосредственно в жизненно бытийный план, что, например, удостоверяет «поздний» Л.Витгенштейн, который не рассматривает логико-гносеологический статус достоверности как таковой, а исследует ее в социокультурные и коммуникативные аспекты. То же верно в отношении, Декандоля, и, тем более, Мертона, заявлявших о важной роли социальных и иных факторов в мотивации научной деятельности, при том, однако, что в явном виде анализ социальных границ науки был намечен и отчасти реализован в концепции исторической динамики научного знания Т.Куна.

В первую очередь вполне оправданная критика затронула проблему социальной обусловленности научного знания и анализа социальных границ науки, соответственно [11]. Вескими обстоятельствами, существенным образом стимулировавшими к новым подходам и «переформулировкам», были, прежде всего, положение дел в самом естествознании, развитие философии в направлении преодоления наукоучения Нового времени и кризис позитивизма. В данной связи, Т.Кун, вскрывая (в русле концепции исторической динамики научного знания) философское значение исторически ориентированного образа науки, особую роль отводит анализу концепта «научное сообщество», как логического субъекта научной деятельности, показывая его значимость для понимания механизма движения научного знания [12]. Впервые история науки новационно и, надо признать, смело, была представлена как чередование эпизодов конкурентной борьбы между научными сообществами на основе принятия модели научной деятельности (совокупности теоретических стандартов, методологических норм, ценностных критериев, мировоззренческих установок). Именно попытка найти источник различия (и разногласий) между сообществами ученых-естественников и специалистов в области социальных наук привели меня, пишет Т.Кун, к осознанию роли в научном исследовании того, что я впоследствии стал называть «парадигмами, под которыми я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [13]. Стоит признать: такие (и ряд других) радикальные новаторские идеи Куна были достаточно оригинальным заявлением, они «размывали» «чистоту» (и образ) рациональности классической науки, закономерно вызывая неоднородную по составу оппозиционную реакцию.

В самом деле, новая модель эволюции науки утверждала исторически относительную природу критериев научности и рациональности. Поскольку, согласно Куну, каждая парадигма определяет «свои рациональности», не сводимые к требованию формальной логики, хотя и не противоречат им), постольку демаркационная линия между наукой и ненаукой устанавливается всякий раз заново. Научное изменение, настаивает Кун, - это «мистическое превращение, которое не управляется и не может управляться правилами разума; каждая новая «парадигма» несоизмерима со своей предшественницей, каждая содержит свои собственные стандарты, привнося совершенно новую рациональность» [14]. Отсюда – вполне логич-

ное обоснование динамики науки как последовательности периодов, связанных между собой традицией, и прерываемых некумулятивными скачками. Это означало отрицание преемственности эволюции науки и понимание прогресса в терминах его отрицания:

Понятно, что такого рода новаторские идеи, утверждая исторически относительную природу критериев научности, «размывая» «чистоту» и образ рациональности классической науки, В совокупности новации Куна относительно проблемы движения научного знания с ведущей ролью научного сообщества, дали возможность выйти за пределы чисто имманентного развития науки к новым горизонтам в объяснении механизма движения научного знания. Это был принципиально новый, порывающий с позитивистской традицией подход к анализу развития науки, не рассекающий ее на отдельные элементы, а представляющий ее функционально целостным живым организмом, функционирующим в социальных границах конкретной эпохи.

Со своей стороны, мы не отрицаем, что в значительной мере восприятие идей, результатов и методов наук о познании в процессе философского анализа познавательного процесса стало возможным именно благодаря сциентистской идеологии, и соответствующего типа методологии. Это, безусловно, имело (и имеет) значение для философской и методологической рефлексии науки. Однако рефлексия о том, что происходит с наукой сегодня, о ее границах и горизонтах, не может оказаться плодотворной в границах ортодоксальной сциентистской парадигмы познания и моделей мышления, не выходящих за границы рациональности «закрытого» типа как олицетворения науки и научности.

Своеобразной рефлексией на чрезмерную рационализацию стали теории немецких романтиков, отреагировавшие прежде всего на однолинейность просветительского рассудка, что нашло проявление в социальных и экзистенциальных потрясениях эпохи Великой Французской революции; романтизм, собственно, стал первым антисциентистским движением в буржуазной европейской культуре. Обобщая можно сказать: в существе своем, иррационалистическая модель. В русле борьбы с крайностями философского рационализма была рождена иррационалистическая модель познания, сформировавшаяся в недрах классической европейской культуры на границах XVIII-XIX столетий, с присущим ей отрицанием «чисто» научного рационально-логического дискурса в качестве парадигмального; критикой «эпистемологических претензий» и мировоззренческой «презюмции» науки; признанием приоритетной роли нефор-

мальных, содержательных компонентов в научном исследовании; невозможности полной алгоритмизации и формализации познания. Наконец, нецелесообразности (абсурдности) устранения «человеческой перспективы» из картины мира и необходимость соотнесения реальности с человеческим миром как имеющим непосредственное отношение к науке. На неприятие как чисто эмпирического, так и формально-логического подходов, ориентирована эпистемология неясного знания М.Полани, философия которого во многом определила вектор дальнейшей эволюции постпозитивистской философии по целому ряду стержневых идей. Один из основных тезисов «о невозможности полной алгоритмизации и формализации познания» востребован на выходе к горизонтам неклассической науки [15]. Можно сказать, что данные идеи сопрягаются с проектами, преследующими своей целью получение целостного знания о человеке и подразумевающие своеобразное «собрание» человека посредством знания; ... сама же целостность как цель знания, уровень рефлексии и дискурса всегда мотивирован личностно-экзистенциально, укоренен в метафизической потребности человека [16].

Усиливая философский компонент данной мысли, подчеркнем: в объяснении процесса развития науки (особенно в условиях коренной трансформации научного знания). при обязательном наличии системы общепринятых представлений формообразующим ингредиентом убеждений конкретного научного сообщества являются (при допущении элемента произвольности) не только исторические, но и личные (личностные, индивидуальные, ментально-когнитивные, психологические) факторы. По нашему мнению, правильное уяснение данных взаимосвязей, актуализирующих значение интуитивных пластов внутреннего мира ученого, «психологии открытия» в механизме развития научного знания, показывает: субъективные оценки могут оказаться вполне решающими в процедуре выбора парадигмальных предпочтений и способствует пониманию важности иррационального компонента для внутренних процессов развития науки (а не только при освоении мира человеком).

Наиболее зримо и радикально антисциентистское направление представлено методологической концепцией П.Фейерабенда, в известной мере предвосхитившей некоторые подходы, набирающие силу в неклассической философии науки [17]. Во многом остро-политический контекст его критики науки сопрягается с идеями и позицией Куна, «развенчавшего» просвещенский образ науки и обнаружившего в ней, как в

социальном институте, разнонаправленные тенденции. Так, если «нормальная наука» не задумывается о принципиально новых теориях и, концентрируясь на решение частных задач, связана больше с техническими приложениями и безразлична к судьбе своего применения, то «наука переднего края» смело опровергает устоявшиеся мнения, направлена на глобальные открытия по изменению мира. При этом она, что особенно актуально, обеспокоена возможностью неконтролируемого использования своих результатов, значит, и нравственной составляющей научного знания. Нам представляется: в такой форме были обозначены ориентиры для рефлексии социальной роли науки в обществе, применительно к современности.

В наиболее явном виде выражением представлений о науке и научности в обществе выступает сохраняющаяся антиномичность «сциентизм – антисциентизм», в значительной мере выступая выражением процессов, сопряженных с формированием нового облика науки и задачами ее реальной гуманизации. Здесь, как мы считаем, обращает на себя внимание необходимость преодоления крайностей догматической сциентистской идеологии, имеющей непосредственное отношение к науке, с последующим выходом за ее границы, в сферу гуманитарно (и гуманистически) ориентированных дискурсов и познавательных стратегий, что, собственно, имеет место сегодня. Это еще раз подчеркивает активность человеческого разума в катновском его понимании, когда в природе, как предмете науки, видится возможность нового знания..нового отношения к природе [18]. К сожалению, при всех позитивных сдвигах ряд важных аспектов, проливающих свет на проблему места и роли науки в обществе, в системе коммуникаций и духовного производства, остаются на периферии исследовательского анализа и раскрываются явно недостаточно.

Таким образом, на выходе к горизонтам неклассической науки философские концепции иррационализма и разные формы антисциентизма правомерно считать кульминацией кризиса науки классического типа и предтечей (предпосылками) паранаучной формы ментальности и культуры. Статус и потенциал, будущее науки, преодолевающей угрозу оказаться в позиции «культурного маргинала», связывается нами с развитием самокритической рефлексии, с ростом самосознания ученых (методологического сознания, в особенности). Социальные границы науки – это оптимальный уровень ее отношений с обществом, алгоритм ее деятельности, необходимый и достаточный для жизнеобеспечения социума. Только так наука выполняет

свое основное предназначение, «оправдывая» общественные представления о «безграничном научном прогрессе».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1.Конт О. Дух позитивной философии. – Спб. 1899. Т. I. – С.6.
- 2.Спенсер Г. Происхождение науки. Спб. 1898. – С.85.
- 3.Спенсер Г. Прогресс науки, его происхождение, развитие, причины и результаты. – Спб. – 1986. – С. 72.
- 4.Спенсер Г. Происхождение науки. Спб. - 1898. - С.34.
- 5.Мамери Дж. В. Прогресс науки, его происхождение, развитие, причины и результаты. Спб. – 1896. – С. 72.
- 6.Лосева И.Н.. Проблемы генезиса науки. Издат-во Ростовского унив-та, 1979. - С.4. – 104 с.
7. Leff G. Paris and Oxford Universities in the 13-14 Centuries. N.Y.- 1968.
8. Dales R.S. The scientific achievement of the Middle ages.- Philadelphia, 1973, p.176.
- 9.Crombie A.C. Marin Mersenne (1588-1648) and the seventeenth-century problem of scientific assertability. – Physis, Firenze, 1975, a. 17, fasc. ¾, p. 186-204.- p. 189.
10. Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания: Пер в англ. / К.Поппер. – М.: ОО «Изд-во АСТ» : ЗАО НПП «Ермак».2004. – С. 324.
- 11.Bloor D. The Sociology of Reasons:or Why «Epistemic Factors» are Really «Social Factors» // Scientific Rationality: the Sociological Turn. 1984. P.295-324.
- 12.Кун Т. Структура научных революций. Перевод с английского И.З. Налетова. Издательство «ПРОГРЕСС». – М. - 1975. – С.10. – 288 с.
13. Там же. - С. 10-11.
- 14.Там же. - С. 224.
- 15.Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М. - 1985.- С. 139.
- 16.Борисов С.Н., Шемраев С.А. Феномен насилия: контекст целостности и частичности человека // Научные ведомости Бел-ГУ. Серия «Философия. Социология. Право». - 2012. № 2 (121). Вып.19 – С. 199. - С. 199-213.
- 17.Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки /Пер. А.Никифорова / М.: Прогресс. - 1986. - С. 196.
- 18.Калинина Г.Н. Философия как «превращенная форма» научного рационализма: Кант и Гегель / Известия СГУ. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. Вып. 4. – 2011.– С. 9. - С.7-10.